

Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео

Лекция вторая (29 ноября 1836 г.):

О народном суверенитете^{*,1}

Хуан Доносо Кортес

Вторую из десяти «Лекций по политическому праву», прочитанную в Мадридском Атенео 29 ноября 1836 г., Хуан Доносо Кортес посвящает понятию «народного суверенитета». Разделяя сущность человека на разум и волю, Доносо выводит из первого объединяющий людей «закон ассоциации», а из второй — разъединяющий «закон индивида». Отсюда главная проблема для Доносо как либерального консерватора заключается в том, как соединить эти два закона воедино. В то время как традиционалисты, утверждает Доносо, предлагают сделать упор на «закон ассоциации» и приходят

© Василенко Ю. В., перевод, 2015

© Марей А. В., перевод, редактирование, комментарии, 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Перевод с испанского А. В. Марей и Ю. В. Василенко под научной редакцией А. В. Марей по изданию: *Donoso Cortés J.* (1904). *Lecciones de derecho político pronunciadas en el Ateneo de Madrid // Donoso Cortés J. Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Vol. III. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales. P. 157–173. Примечания А. В. Марей.*

Перевод выполнен в рамках исследовательского проекта «Власть, доверие, авторитет: структуры порядка и категории описания социальной жизни», реализуемого Центром фундаментальной социологии в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

1. Несколько слов по поводу терминологии нашего перевода.

Понятие *príncipe* в русском тексте передается словом «правитель». Представляется, что укоренившаяся в отечественной философской и околос философской литературе традиция переводить это слово термином «государь» достаточно неудачна. Русское «государь» несет в себе принципиально иные коннотации, нежели свойственные латинскому *princeps* и его дериватам в новых языках. Очевидно, что «государь» ближе всего к латинскому *dominus*, тогда как для *príncipe* ближе понятие «князь» (в случае Н. Макьявелли) или «первенствующий», «правлящий» в остальных случаях. Отсюда наш выбор, сделанный в пользу мало и плохо концептуализированного «правителя».

Испанское *soberanía* в русском тексте всегда передается понятием «суверенитет», хотя, как понятно из контекста, понимание Д. К. суверенитета не всегда соответствует общепринятой традиции, идущей от Бодена. Так, определяя суверенитет *de facto*, Д. К. говорит, что он основывается на «предустановленном авторитете» и что именно такой суверенитет он называет «властью» (*poder*). В этом случае представляется очевидным, что под «суверенитетом» имеется в виду, скорее, некое фактическое превосходство, дающее возможность властвующему осуществлять свои действия в отношении подвластных.

Продолжая тему властной терминологии, отметим, что в данной лекции Д. К. использует традиционную для западной политической мысли терминологическую дихотомию *poder* — *autoridad*, восходящую к латинской *potestas* — *auctoritas*, для обозначения власти в разных ее ипостасях. Там, где это казалось подходящим по стилистике и содержанию, термин *autoridad* был передан как «авторитет»; в остальных случаях он переводится в тексте как «власть» с заглавной буквой «А», забранной в круглые скобки после него, — власть (А). Мы понимаем всю условность и конвенциональность подобного подхода к переводу, однако на настоящем этапе развития лексики отечественной политической философии не видим другого пути.

к тирании, уничтожая свободу воли, революционеры, наоборот, делают упор на «закон индивида», реализация которого ведет к анархии как разновидности все той же тирании. Совершая далекие исторические экскурсы во времена Римской империи и Средневековья, Доносо показывает, как революционная идея «народного суверенитета», связанная напрямую с «законом индивида», постепенно побеждает идею «божественного права королей», опирающуюся на «закон ассоциации». Наиболее жесткой критике Доносо подвергает английских и французских философов XVII–XVIII вв. (Гоббса и Руссо прежде всего), поскольку именно они заложили основу для последней исторической драмы, какой стала Великая французская революция. Предлагаемая собственную — либерально-консервативную — альтернативу двум названным крайностям, Доносо призывает отказаться от «атеистического», «аморального», «абсурдного» и «невозможного» «народного суверенитета» и соединить «закон индивида» и «закон ассоциации» на совершенно иной основе «суверенитета разума, суверенитета справедливости», которая остается пока на уровне декларации, без какого-либо обоснования.

Ключевые слова: народный суверенитет, божественное право королей, либеральный консерватизм, Хуан Доносо Кортес, Испания XIX в.

Сеньоры!

Поскольку лекция в прошлый вторник была логичным прологом к сегодняшней, будет хорошо, если мы начнем с краткого резюме принципов, которые были развиты в ней.

Есть три феномена, которые разум, абстрагируясь, может воспринимать как изолированные, хотя в истории они сосуществуют вместе. Эти три феномена суть человек, общество и правление. В результате анализа единство человеческой природы раскрывается в дуализме свободы и разума. Свобода реализуется посредством действий, разум проявляется в раскрытии истины. Истина независима от человека и является центром притяжения для всех разумных существ. Поэтому все разумные существа вступают в ассоциацию: все они, направляясь к определенной точке, необходимо объединяются по ходу своего движения. Следовательно, человек как существо разумное есть существо социальное. И если движение человека как существа разумного экспансивно и центробежно, потому что он ищет истину, которая находится вне его, движение человека как существа свободного и активного становится движением центростремительным, потому что он не может быть полностью свободным, вступая в контакт с другими такими же свободными и активными существами. Таким образом, свобода человека — это элемент, разрушающий общество, которое разум человека сделал необходимым. Общество же, чтобы защититься от вторгающегося в него принципа, собирает все свои разрозненные силы, образуя вместе публичную силу, хранителем которой становится правительство, чья миссия — сохранять общество посредством постоянного сопротивления всем индивидуальным свободам. История правительств, которые сопротивляются, — это история охранительных правительств; история тех, кто атакует вместо того, чтобы сопротивляться, — история тиранических правительств; история тех, которые вместо сопротивления отступают, — история

неполноценных правительств. Первые, исчезая, оставляют после себя свет; вторые — кровь; последние — грязь. На могиле первых нации поют гимны; на могилах вторых люди пишут несмыываемые проклятия и ужасные анафемы; на могильной плите последних покоится презрение всех будущих поколений.

Итак, сеньоры, антагонизм между свободой и разумом человека отражается во всех человеческих обществах и, отражаясь в них, превращается в антагонизм между законом индивида, то есть независимостью, и законом ассоциации, то есть подчинением и гармонией.

История не предлагает нам на своих страницах ни одного правления, которое обратило бы этот постоянный антагонизм в плодотворное единство. На Востоке закон индивида был принесен в жертву закону ассоциации, в Греции поступили наоборот, в Риме два этих закона сосуществовали, но сосуществовали лишь, чтобы бороться, и боролись, чтобы умереть. Если период Республики — это период их борьбы, то период Империи — их отсутствия; а поскольку отсутствие этих двух законов есть хаос, а хаос — это смерть нравственного мира, Империя исчезла. На ее огромных руинах воздвигся столь же огромный крест, ставший знаком нравственного обновления человеческого рода: вокруг этого креста разбили свои палатки северные варвары, и когда судьба античного общества свершилась, родилось современное общество.

Оно, в свою очередь, породило представительное правление, миссия которого в том, чтобы разрешить проблему, которую не смогли решить ни мир римский, ни мир греческий, ни мир восточный. Эта проблема состоит в том, чтобы уважать человеческую индивидуальность, не руша основы общества, и сохранять общество, не заковывая человека в цепи; одним словом, в том, чтобы найти закон, который должен обратить в гармоничное единство плохо согласуемый дуализм закона индивида и закона ассоциации.

Любой принцип, стремящийся растворить человека в обществе или общество в человеке, есть принцип древней цивилизации. Он противоположен представительному правлению, потому что приносит в жертву и разделяет все то, что представительное правление стремится сохранить и собрать воедино.

Сегодня мы рассмотрим, можно ли считать прогрессом принцип народного суверенитета, должен ли он быть освящен в храме современной цивилизации или покоиться в могиле древней.

Существуют два типа суверенитета. Первый — суверенитет *de facto*, покоящийся на [некоем] установленном авторитете; этот суверенитет я называю властью, и он существует во всех человеческих обществах. Второй — суверенитет *de jure*, который философы и Конституции находят или в народах под названием народного суверенитета, или в королях под названием Божественного права. Он заключается в обладании властью (А), не полученной ни от кого, можно сказать, сущей вне времени, единым словом, подобно Богу, творящей всю существующую на деле власть, и могущей уничтожить ее другим словом.

Когда говорят о народном суверенитете, то имеют в виду суверенитет всемогущий и предстоящий любому установленному авторитету: именно этим я и думаю заняться, оставив для следующей лекции борьбу с суверенитетом права, провозглашенным королями в век рабства и невежества.

Когда Римская империя исчезла, наследие Цезарей стало патримонием понтификов Рима; среди крушения всех институтов и идей мир не смог бы перестроиться, если бы не нашел ту идею, которая послужила бы ему штандартом, и тот институт, который послужил бы ему моделью. Такой идеей стала идея религии, а таким институтом — Церковь. Папа Римский представлял собой и эту идею, и этот институт. Таким образом, сеньоры, между умирающей античной и рождающейся современной цивилизациями, между могилой и купелью, мы различаем лишь одного социального персонажа и один пустой трон: Папу и Капитолий. Когда Папа сделал себя монархом, а Капитолий стал ему треном, круг времен сомкнулся, и мир вновь устремился к Вечному городу.

Что же это за эпоха? Закон ассоциации погиб в крушении прежней цивилизации, остался лишь закон индивида. Независимость человека, девственная, напористая и яркая, рожденная среди снегов Севера, пришла, дабы обосноваться на трупе Империи. Какая человеческая власть смогла бы наложить ярмо на его непокорное чело, когда еще дымился, покрытый кровью, меч, принесший ему победу? И все же, или человек с Севера должен был подчиниться ярму власти (А) и законов, или мир должен был погибнуть из-за невозможности построить общество. Закон ассоциации, не существовавший тогда на земле, спустился с неба, сопровождается божественной религией. И когда политеизм родился из лона античного общества, христианская религия скрывала в себе росток общества современного: победители Цезарей добровольно смирялись перед беззащитным священником. Люди, которые, обладая силой Геркулеса, разрушили трон императоров, склонились перед алтарем, неукротимые львы превратились в робких ягнят. Тогда и только тогда общество стало возможным, потому что закон ассоциации вновь явился в мир.

Из этого следует, что власть (А) наследников Святого Петра была охранительной и легитимной, поскольку, если уж власть (А) необходима, только их власть (А) была возможна.

В их тени выросла власть (А) князей: гражданская власть (А) родилась от власти (А) религиозной. Последняя должна была выстроить общество, но, не довольствуясь своей высокой миссией, она пожелала выйти за ее пределы и провозгласила абсурдный и нечестивый тезис о суверенитете королей *de jure*, сковала разум, уничтожила закон индивида и задушила человеческую свободу. От абсолютной независимости человек перешел к абсолютному рабству, а от абсолютного рабства он должен был снова вернуться к абсолютной независимости, ведь закон всякого тиранического правления состоит в том, чтобы породить реакцию, которая похоронит его в бездне.

Звезда Рима начала меркнуть уже к концу XIII века². В начале XIV столетия Папы переместились в Авиньон, как если бы у них было смутное предчувствие того, что мир начал освобождаться от Капитолия, потому что вступил уже в период своего возмужания и не нуждался более в опеке³. Для того чтобы понять, каков был престиж Пап в это время, достаточно сказать, что Кола ди Риенцо⁴ осмелился восстановить в Риме трибунал. Его триумф был эфемерным, но он, определенно, не мог бы иметь и его, если бы власть Пап не прошла уже своего зенита и не склонялась к закату.

Схизма⁵, начавшаяся с избрания Урбана VI⁶ и Климента VII⁷, еще больше ослабила власть Церкви и породила ужасные разрушения по всей Италии, совпавшие по времени с кризисом единой власти. Французские, немецкие, английские и итальянские кондотьеры прошли по ее прекрасным городам, как прежде северные варвары. Печальна судьба, сеньоры, этого чудесного народа! Он пытался помогать миру, а мир разграбил его, и нет больше у него сил. Где та Венеция, этот цветок, родившийся словно Венера из морской пучины? Что стало с Флоренцией, этой родиной гения, этой королевой искусств? Что такое Капитолий, в конце концов? Воспоминание, руина. И когда этот народ, бывший некогда царем, ищет на своем челе корону, он находит лишь рану, а на своих ногах — цепи.

Но мы в XIV веке: не будем торопить события человеческой истории.

Города подвергались разрушениям, а дворцы правителей полнились преступлениями. Правитель Милана был убит своим племянником Джан Галеаццо Ви-

2. Здесь и далее Д. К. отсылает читателя к событиям так называемой «войны памфлетов» между Папой Бонифацием VIII и королем Франции Филиппом IV Красивым. Результатом этого длительного конфликта, начавшегося из-за претензий королевской власти на право сбора податей с духовенства и развившегося, по сути, в спор о возможности национальной Церкви, стало Авиньонское пленение Пап (1309–1378), то есть перенос резиденции верховных понтификов из Рима в Авиньон, находившийся в юрисдикции французской короны.

3. В этой фразе Д. К. пользуется образной системой римского права. По отношению к Капитолию, т. е. к Католической церкви, мир предстает подвластным сыном, которого следует *эмансипировать* по достижении совершеннолетия. Соответственно, совершеннолетний мужчина по правилам римского права не имел более порока воли, мог самостоятельно принимать решения, имеющие правовой эффект (т. е. имел собственную *auctoritas*), и не нуждался более в опеке со стороны домовладыки.

4. Кола ди Риенцо (или ди Риенци), полное имя Никола ди Лоренцо Габрини (1313–1354) — выходец из простонародья, глава восстания пополанов (1347 г.). Провозгласил себя римским трибуном, «защитником мира и справедливости». Выдвигал лозунги об объединении Италии, однако успеха в этом не достиг. Его правление быстро превратилось в тиранию, а затем пало. Ди Риенци бежал к императору Карлу IV, однако был пленен тем и послан к Папе Иннокентию VI в качестве пленника.

5. Великая западная схизма, или Великая схизма Католической церкви (1378–1417) — период в истории Церкви, последовавший за Авиньонским пленением Пап, когда два (а с 1409 г. — три) человека одновременно провозглашали себя законными заместителями св. Петра. Конец схизме положило отречение Папы Григория XII в 1415 году.

6. В миру Бартоломео Приньяно, подданный Неаполитанской короны. Папа Римский с 1378 по 1389 г. Избран в Риме после смерти Григория XI, перенесшего Св. Престол из Авиньона обратно в Рим. Урбан отказался вернуть престол в Авиньон, чем положил начало конфликту с французским духовенством и, как следствие, Великой западной схизме (1378–1417).

7. Роберт Женеvский, известен более как Антипапа Климент VII (1378–1394). Был избран французскими кардиналами в знак протеста против избрания Папы Урбана VI.

сконти⁸, а Карл Дураццо⁹ убил Джованну¹⁰, королеву Неаполя, свою троюродную сестру. Именно в этом веке, сеньоры, начались скандальные оргии, которые запятнали Италию в последующие два столетия. Тогда же начался видимый упадок власти Пап, чье бессилие в это время равнялось их бесчинствам в прошлом.

Обычно считают, что реакция разума против авторитета началась, когда пала Византийская империя. Сеньоры, это ошибка. Она началась в XIV веке или в самом начале XV. В качестве доказательства того рвения, с которым тогда искали источники человеческого познания за пределами Теологии, будет достаточно сказать, что в эту эпоху были проверены все монастыри с целью поиска там рукописей. Рукописи Тита Ливия, подаренной Козимо деи Медичи¹¹ королю Неаполя Альфонсо¹², оказалось достаточно, чтобы уладить между ними все разногласия. Тит Ливий ценился дороже мирного договора.

Также считается, что дух церковных реформ зародился вместе с Мартином Лютером. Это тоже неправда, потому что он возник еще в XIV веке. За 150 лет до Лютера свой штандарт против Рима поднял Уиклиф¹³. И хотя Ян Гус начал проповедовать лишь после 1407 года, все же Лютер еще не родился, когда уже завершился великий труд по секуляризации человеческого разума.

С того момента, как начинает подвергаться сомнению власть (А) Церкви, начинают колебаться и троны королей. В Европе началась реакция против власти (А), и все ее носители должны были стать ее жертвами.

8. Джан Галеаццо Висконти (Gian Galeazzo Visconti) (1351–1402) — первый миланский герцог из рода Висконти. Д.К. обвиняет его в смерти его дяди, правителя Милана Бернабо Висконти (ум.1385). Джан Галеаццо обманом лишил дядю власти и заточил его в замок Треццо в 1385 году. В декабре того же года Бернабо Висконти скончался в этом замке, что дало основание для многочисленных спекуляций на тему отравления его племянником.

9. Имеется в виду Карл III Дураццо, он же Карл III Малый — король Неаполя с 1382 по 1386 г. Для того чтобы получить престол, он сверг с него свою троюродную сестру — королеву Джованну I — и заточил ее в крепость. Узнав о намерении Людовика I Анжуйского захватить Неаполь и освободить Джованну, Карл приказал удавить ее в тюрьме.

10. Джованна I (1343–1382 гг.) — королева Неаполя. В описываемый период примкнула к Антипапе Клименту VII в период его борьбы с Папой Урбаном VI. Последний признал законным королем Неаполя Карла III Малого, который в 1382 году захватил город, заточил королеву в тюрьму и вскоре приказал задушить ее.

11. Козимо деи Медичи, по прозвищу Старый (1389–1464) — основатель династии Медичи, фактически руководил внутренней и внешней политикой Флоренции во второй трети XV века. Прославился как меценат, ценивший и любивший искусство человек, искусный политик. Точно установить рукопись, о которой идет речь, сложно, но можно предположить, что речь идет об итальянском переводе «Истории об основании города», собранном в четыре богато иллюминированных тома (ун-т Валенсии, mss. 382–384, 386).

12. Альфонсо V Великодушный — король Арагона (1416–1458) и Неаполя (1442–1458). Прославился как один из самых ярких монархов своего времени, содержал роскошный двор, покровительствовал гуманистам, художникам, поэтам и музыкантам. При его дворе, в частности, творил Лоренцо Валла.

13. Джон Уиклиф (1331–1384) — английский философ, богослов, осужденный за свои взгляды Папским престолом. Считается одним из первых реформаторов Церкви. В 1382 году завершил первый полный перевод Библии на английский язык, известный как «Библия Уиклифа». Неоднократно выступал против монашества как института, а также против самой идеи власти Церкви.

Начало этой реакции положил Уиклиф, обычно остающийся забытым. Он был первым, кто осмелился защищать право короля не платить подати Риму и в то же время право на восстание народов против королей. Эти идеи не могли быть приняты в XIV веке и оставались в зачаточном состоянии вплоть до века XVII, когда закончились религиозные войны и поднялась буря политических революций.

В это время, сеньоры, сознание было уже секуляризировано, разум поднялся на трон и с высоты этого трона пожелал рассмотреть права королей. Это рассмотрение привело к жестокой борьбе между принципом авторитета, господствовавшим в мире, и принципом независимости, который притязал на господство в нем, между прошлым и будущим, между правителем и народом. Революция, предложенная Уиклифом, не вышла тогда за пределы Англии: острова хватило, чтобы стать ее колыбелью, а немногим позже гиганту стала мала даже вселенная.

Таков закон революций, сеньоры: для рождения, развития и прогресса им необходим идейный импульс. Поэтому революция в обществе является симптомом того, что аналогичная революция уже произошла в головах. Сидней¹⁴, Милтон¹⁵ и Локк поставили на Английскую революцию печать легитимности: последний придал ей легитимность разума, второй — легитимность гения, а первый — легитимность мученичества. Все они уже открыто признавали принцип народного суверенитета, но их работы не поднялись над обстоятельствами, вдохновившими их, достаточно высоко, чтобы стать догмой или знаменем миру. Час всемирной революции еще не пробил. Руссо еще не родился.

Когда мир двигался к будущему, а Провидение, уравнивавшая человечество, утяжелила судьбу народов и облегчила — королей, жил человек, по виду мрачный и недобрый, а по характеру неприятный и унылый. Оторванный от народов ненавистью, от королей — безразличием, а от Бога — презрением, он провозгласил царство зла, и не зная, что делать с человеком, бросил его как добычу на поживу тиранам. Этим человеком был Томас Гоббс, философ из Малмсбери. Гений, обладавший энциклопедическим образованием, он преуспел практически во всех науках. Он был знаком с Гассенди, Декартом и Галилеем, но его гений не изменился под их воздействием. Оторвавшись от Бога и человечества, он продолжал свой путь в одиночестве. Презирая демократию инстинктивно, еще до того, как он увидел ее победы, он перевел на латинский язык Фукидида, чтобы противопоставить авторитет исторических примеров народным движениям, которые уже появились

14. Олджернон (Algernon) Сидней (1623–1683) — полковник английской армии, активный участник Английской революции, политический теоретик, автор ряда работ, среди которых выделяются «Рассуждения о правительстве». В 1683 году обвинен в подготовке покушения на жизнь Карла II и принца Якова и казнен. После смерти его называли «Виг, патриот, герой и мученик».

15. Джон Мильтон (1608–1674) — знаменитый английский поэт и публицист, часто называемый «величайшим из английских авторов». Один из наиболее крупных и известных политических теоретиков Английской революции. Автор поэмы «Потерянный рай», политических трактатов «Защита английского народа против Салмазия», «Вторая защита английского народа», «О державе королей и сановников», «Ареопагитика, или Речь о свободе» и т. д.

тогда в Англии. В конце концов, его политические взгляды были отражены в его трактате «О гражданине» и в «Левиафане».

Судьба человека, согласно ему, — это рабство или война, его единственный закон — эгоизм. В период дикости была война всех против всех; человек вышел из дикого состояния¹⁶ и вошел в состояние общественное, чтобы превратить войну в рабство, потому что мир, представляющий, согласно Гоббсу, единственное благо, покупается только такой ценой. Что в этой теории оригинального — это рождение рабства из договора, посредством которого индивиды, объединяясь, полностью отказываются от всех своих прав в пользу правителя, аккумулирующего их. Перед нами очевидное доказательство того, что уже в эти времена теория общественного договора смущала многие умы. Суверенитет, покоящийся на божественном праве, признает определенные ограничения, потому что Бог должен судить королей. Суверенитет Гоббса применительно к себе отрицает любое ограничение, потому что для него Бог не существует, а народ с момента, как отказывается от своих прав, становится рабом. С безупречной логикой народу отказывается в праве на сопротивление угнетению, даже если это угнетение принимает наиболее абсурдные и безумные формы. Гоббс сам предлагает такой вопрос: если государь хочет упразднить христианскую религию, что должны сделать его вассалы? Он говорит, что дабы не отказываться от своих обязательств перед Богом и, с другой стороны, не проявлять непослушания перед правителем, они должны стать мучениками и умереть без сопротивления ради жизни во Христе. Это, сеньоры, означает с дьявольской улыбкой бросить оскорбление в лицо жертве. Гоббс, который обрек человека на рабство и покрыл его лицо похоронной вуалью, который сказал ему: ты будешь получать хлеб из рук господина твоего, словно нечистое животное, и будет этот хлеб замешан на желчи и слезах, Гоббс, повторяю, преследует человека до гроба своим ужасным сарказмом. Гоббс, я протестую здесь против твоего гения от имени человечества, я протестую против тебя от имени рода человеческого.

Сеньоры, XVII век уже прошел, и мы оказываемся лицом к лицу с XVIII столетием, и этот век должен собрать все свои силы, потому что ему предстоит титанический труд. Он это, без сомнения, знает, потому что, оставив в стороне другие народы земли, сосредотачивается во Франции. Реакция угнетенного закона индивида на угнетающий его закон ассоциации, независимости разума на господство традиций, независимости человека на божественное право королей, уже имело место в английском обществе и английской философии. Победив в Англии, эта реакция попыталась охватить весь мир, прикинувшись гуманной философией и человеческой революцией. Для этого было необходимо разрушить все прошлое и придумать будущее. Для решения первой задачи XVIII век воплотился в энциклопедистах и Вольтере; для решения второй XVIII век покинул салоны и презрел дворцы, и на последнем этаже одного бедного дома нашел сына бедного часовщика, переписывавшего ноты, чтобы заработать себе на жизнь. Этим переписчиком

16. «Диким состоянием» Д. К. называет естественное состояние человека в теории Гоббса.

нот был Руссо, и это именно его искал XVIII век как слугу Провидения, чтобы осуществить революцию.

Сеньоры, Руссо не был философом, потому что не знал глубоко ни философии, ни истории, но он был пророком, был человеком, чье появление было predetermined, был ужасным воплощением народа. Поэтому глумится над всеми взглядами, борется со всеми философами, он мечет копьё во все существующие власти и общественные авторитеты. Не довольствуясь разрушением, он поднимает свое знамя и пишет свою догму, и его догма и его знамя были догмой и знаменем Революции. Народный суверенитет в книгах английских философов существовал на заднем плане, в книге Руссо это принцип, который живет, развивается, борется и побеждает. Английская революция была ужасным событием в жизни одного народа; Французская революция — это новая эра в анналах человечества.

Так что же такое, сеньоры, догма о народном суверенитете народа, осмысленная исторически? Это боевая машина, которая послужила человечеству для разрушения достижений двенадцати веков. От разрушения Римской империи и до XIX века история Европы является историей ее социальных и политических реакций. В первое время после варварского завоевания закон индивида или независимость человека изгнал из мира власть, т. е. закон ассоциации. Последний воплотился в римских епископах, и когда почувствовал в себе силу, чтобы бороться и побеждать, удавил закон индивида, поглотил человеческую индивидуальность и повязал цепями свободу человека, который, разорвав в тишине свои цепи, поднялся как гигант и, в свою очередь, сокрушил своего противника. Людовик XIV сказал: «Государство — это я». Народ сказал: «Суверенитет покоится во мне». Первая знаменитая фраза была выражением гордыни; вторая, не менее знаменитая, — выражением силы. Задача XIX века — произнести слово, которое, не будучи ни выражением силы, ни выражением гордыни, было бы наивысшим выражением права и справедливости, единственной абсолютной власти, перед которой и народы и короли обязаны склониться.

До этого момента история Европы отличается от истории Востока и Греции, поскольку, как мы видели в предыдущей лекции¹⁷, на Востоке и в Греции существовали без борьбы закон индивида во второй и закон ассоциации в первом, в то время как в современной Европе они сосуществуют и борются самым жестоким и кровавым образом. Но если наша история отличается от восточной и от греческой, то она похожа на историю Римской республики, в которой эти два закона также борются и сосуществуют.

И, конечно же, сеньоры, было бы хорошо, если бы Европа наших дней предложила миру новое решение, если бы мир не остался стоять неподвижно на том же самом месте. Это нам предлагает XIX век.

17. *Доносо Кортес Х.* (2015). Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция первая (22 ноября 1836 г.): Об обществе и правительстве / Пер. с исп. Ю. В. Василенко под ред. А. В. Марья // Социологическое обозрение. Т. 14. № 2. С. 31–40.

В Риме закон индивида и закон ассоциации сосуществовали; но сосуществовали, чтобы бороться, и боролись, чтобы погибнуть. Ведь, как я сказал в предыдущей лекции, Марий смог отомстить трибунам, а Сулла — патрициям, но ни первый не смог дать жизнь народу, ни второй — усилить Сенат. Республика была мертва.

В XIX веке эти два закона сосуществуют, чтобы объединиться посредством различных гибких и плодотворных форм представительного правления, чье назначение в том, чтобы уважать человеческую свободу, не подрывая оснований общества, и сохранять общество, не заковывая человека в цепи.

Отсюда, сеньоры, любой, кто провозглашает народный суверенитет или божественное право королей, призывает к реакции. Он провозглашает бесплодный принцип мертвой цивилизации. Он ретроград, потому что быть ретроградом означает брать на вооружение принцип, затерявшийся среди обломков прошлого, чье начало теряется в глубинах Востока или демократических Афин.

Любой, кто провозглашает гармонию между законом индивида и законом ассоциации, между обществом и человеком, — прогрессист. Ведь быть прогрессистом означает провозглашать новое начало в истории и в мире, таящее будущее в себе.

Здесь я мог бы закончить эту лекцию, если бы не было тех, кто, признавая, что принцип народного суверенитета является боевой машиной, не оставляет при этом мысли о том, что взятый как таковой он является подлинным. Посмотрим же, прежде чем переходить к заключению, даст ли нам философия те же результаты, что и история.

Суверенитет права един и неделим. Если им обладает человек, им не обладает Бог, если он покоится в обществе, его нет на небесах. Следовательно, народный суверенитет — это безбожие. Но если, сеньоры, безбожие можно ввести в философию, не нарушая мироустройства, то его нельзя ввести в общество, не парализуя и не убивая его.

Суверен обладает социальным всемогуществом, и все права принадлежат ему. Ведь если бы хотя бы одно право ему не принадлежало, он не был бы всемогущим, а не будучи всемогущим, он не был бы сувереном. По этой же причине у него нет никаких обязанностей, ведь если бы у него было хоть одно, он был бы подданным. Суверен — это тот, кто повелевает, подданный — кто повинуется; суверен — тот, кто имеет права, подданный — тот, кто исполняет обязанности. Поэтому, сеньоры, помимо того что принцип народного суверенитета безбожный, он еще и тиранический, ведь там, где у подданного нет прав, а у суверена нет обязанностей, там есть тирания.

На лекции в прошлый вторник мы видели, как в общении человека с остальными людьми родилась идея равенства и, следовательно, идея взаимных ограниченных прав. Тогда же человек почувствовал необходимость в правиле, которое подчиняло бы себе эту взаимность и ограниченность, и таким правилом стала справедливость. Принцип же народного суверенитета не признает ни взаимности в правах, ни ограничения в обязанностях, а там, где есть лишь господин и раб, исчезает идея справедливого. Отсюда следует, что принцип суверенитета, помимо

того что является безбожным и тираническим, еще и аморален, потому что разрушает справедливость. То, что справедливость и народный суверенитет не могут сосуществовать, настолько ясно, что признание первой заставляет уничтожать второй. Ведь если народ может делать только то, чего требует справедливость, он становится подданным, а справедливость — сувереном. Такова истина, сеньоры; и поскольку это истина, народный суверенитет абсурден. Давайте продолжим.

Когда философы забрали суверенитет у небес и вернули его на землю, где в человеке они поместили его? Они поместили его в воле, и в этом они были последовательны. Если бы они разместили его в разуме, а не в воле, их теория оказалась бы уничтожена, поскольку, если господство над миром принадлежит разуму, то оно принадлежит Богу, который является самым разумом. Если господство над миром принадлежит разуму, то господство над обществом принадлежит самым разумным. Если же оно принадлежит самым разумным, то что такое демократия? что такое народ? где его суверенитет? где его корона? И наоборот, если суверенитет покоится в воле, Бог лишается трона, а человек, на челе которого сверкает луч гения, равняется безмозглому и тупому существу. Ведь если разумы не равны, то все воли именно таковы¹⁸. Только так возможна демократия, только так возможен народный суверенитет. Поэтому, сеньоры, народ, чтобы возложить диадему на свое чело и сделать волю суверенной, отказался от власти Бога, власти разума и власти справедливости.

До этого момента я доказывал, что принцип народного суверенитета абсурден; теперь мне осталось доказать, что он невозможен.

Если суверенитет покоится на всеобщей воле, и всеобщая воля является собранием частных волей, то все индивиды в обществе должны принимать активное участие в осуществлении суверенной власти. Если суверенная власть реализуется лишь посредством законов, то все индивиды в обществе должны принимать активное участие в написании законов. Неграмотные имеют те же права, что и мудрые, потому что имеют ту же волю, что и они; женщины имеют те же права, что и мужчины, потому что имеют ту же волю, что и они; дети имеют те же права, что и их родители, потому что имеют ту же волю, что и они; пролетарии имеют те же права, что и власти предрержащие, потому что имеют ту же волю, что и они; в конце концов, сеньоры, сумасшедшие должны потребовать свою часть суверени-

18. Весь пассаж, взятый с самого начала абзаца, представляет собой замечательный образец подмены тезиса. Д. К., обрушиваясь на философов, «поместивших народный суверенитет в воле, а не в разуме», совершенно закрывает глаза на то, что те же философы (вся римская, а затем и схоластическая традиция, вплоть до середины XVII века, немецкая философия в лице Канта и Гегеля и т. д.) настаивали на неразрывной связи воли и разума и на невозможности первой без второго. Наиболее кратко и одновременно внятно эта аргументация была изложена в «Философии права» Гегеля (§ 4), которую Д. К. не мог не знать. Впрочем, дальнейшая аргументация Д. К. заставляет предположить, что под словом «философы» для него скрывается один-единственный их представитель — Жан-Жак Руссо, на которого он столь яростно обрушивается в этой лекции.

тата, потому что небо, отказав им в разуме, не лишило их воли, а воля делает их суверенными¹⁹.

Сеньоры, без сомнения, вы отступите от этих выводов как от края пропасти, однако они логичны и необходимы. Закон должен быть выражением либо разума, либо всеобщей воли. В первом случае его должны писать самые разумные, и писать его, подчиняясь тому, что диктует разум и чего требует справедливость; но тогда вы провозглашаете суверенитет разума. Во втором случае, если закон должен быть выражением всеобщей воли, на каком основании вы откажете кому-либо в участии в составлении законов?

В мире разума существуют категории, но их нет в мире воли. Один разум может быть отличен от другого, но ни одну волю никогда не отличить от другой, и вы не сможете допустить одних и отказать другим, не впад в логическое противоречие.

Представим себе, что все граждане участвуют в голосовании, и по его проверенным результатам закон принят половиной всех волей плюс одна. Согласно теории народного суверенитета, этот закон связывает лишь тех, кто за него голосовал, ведь воля неотчуждаема, потому что ее отчуждение было бы самоубийством (воля, которая подчиняется другой воле, отчуждается и, отчуждаясь, уничтожается). Чтобы объяснить валидность решений большинства, необходимо прибегнуть к разуму; если же разум достаточно мощен, если он имеет достаточные основания, чтобы господствовать над волей, то он суверенен. Но что тогда такое народный суверенитет? Абсурд, сеньоры, невозможный абсурд.

Резюмируем сказанное. Наследники святого Петра приняли наследие Цезарей и воплотили в себе закон ассоциации, который исчез из мира, где господствовала германская независимость. Не удовлетворившись учреждением общества, они поработили человека; в их тени выросла власть (А) королей и был провозглашен абсурдный принцип божественного права. Реакция была необходима, и она началась в XIV веке, когда Кола ди Риенци провозгласил в Риме трибунал, Папы укрылись в Авиньоне, кондотьеры грабили города, а во дворцах совершались преступления. Разум начал освобождаться от теологии, и Уиклиф провозгласил начало церковных и политических реформ. В середине XVII века началась реакция против Церкви, а в конце XVIII — реакция народного суверенитета против божественного права. Подкрепляя авторитет Истории разумом, мы считаем себя вправе утверждать, что теория народного суверенитета является боевой машиной, послужившей человечеству для разрушения достижений двенадцати столетий, однако, взятая как социальный принцип, она не имеет никакой ценности, потому что несостоятельна в логике и нереализуема на практике.

19. Этот абзац является логичным следствием подмены тезиса, отмеченной в предыдущем примечании. Собственно, вся предшествующая традиция ограничения прав детей, женщин, рабов и безумных строилась не на отрицании за ними разума, но на признании у них порока воли. Д. К. не мог этого не знать, а следовательно, сознательно не стал принимать во внимание.

Два знамени развевались, сеньоры, на горизонте человеческой истории с самого ее начала: знамя народного суверенитета и знамя божественного права. Их разделяет море крови, и оно свидетельствует, какова судьба обществ, которые их принимают и им следуют. Новое знамя, чистое, блистательное, безупречное, появилось в мире, его лозунг: «Суверенитет разума, суверенитет справедливости» — так последует же за ним, сеньоры! С самого своего появления только оно является знаменем свободы, другие же — рабства. Только оно является знаменем прогресса, другие — реакции. Только оно является знаменем будущего, другие — прошлого. Только оно является знаменем всего человечества, другие же лишь отдельных партий.

Lectures on Political Right, Delivered at the Ateneo of Madrid. Lecture 2 (November 29, 1836): On Popular Sovereignty

Juan Donoso Cortés

Yuri Vasilenko (translator)

Associate Professor, National Research University Higher School of Economics — Perm

Address: Studencheskaya Str., 37, Perm, Russian Federation 614070

E-mail: yuvasilenko@hse.ru

Alexander Marey (translator, editor)

Associate Professor, Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: amarey@hse.ru

In the second of ten *Lectures on Political Right*, delivered in Madrid's Ateneo in November 29, 1836, Juan Donoso Cortés considers the notion of "popular sovereignty." Distinguishing mind and will as two parts of human essence, Donoso deduces from the former the "law of the association" that unites all human beings, and from the latter, the "law of the individual," that separates them. Hence, the main problem for Donoso as a liberal conservative is how to combine these two laws. Donoso states that while traditionalists propose to focus on the "law of the association" and ends with tyranny that destroys free will, revolutionaries, by contrast, focus on the "law of the individual," which leads to anarchy as a variant of the same tyranny. In making a historical digression to the periods of the Roman Empire and the Middle Ages, Donoso shows how the revolutionary idea of "popular sovereignty", linked directly to the "law of the individual", gradually overcomes the idea of "divine right of kings", based on the "law of the association." Donoso criticizes the English and French philosophers of the 17–18th centuries (Hobbes and Rousseau, above all) the most, as these philosophers laid the foundation for historical drama of the Great French Revolution. Offering his own liberal-conservative alternative for the two named extremes (traditionalism and revolution), Donoso calls to abandon the "atheist", "immoral", "absurd", and "impossible" "popular sovereignty", and combine the "law of the individual" and the "law of the association" on entirely different basis of the "sovereignty of reason, sovereignty of justice".

Keywords: popular sovereignty, divine right of kings, liberal conservatism, Juan Donoso Cortés, Spain of the 19th century